

© 1990 г.

ГИНДИН Л. А.

ЛУВИИЦЫ В ТРОЕ

(ОПЫТ ЛИНГВОФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Интерес к индоевропеистике как в плане сугубо лингвистическом, так и экстралингвистическом никогда не ослабевал. В центре исследований остаются проблемы прародины индоевропейцев, относительная и абсолютная хронология консолидации и распада индоевропейской общности, путей продвижения индоевропейских диалектов в места исторического обитания их носителей, ареальные, адстратные и субстратно-суперстратные взаимоотношения уже обособившихся диалектов между собой и с языками аборигенов заселяемых территорий.

Внимание к указанной проблематике особенно возросло в послевоенные годы. В настоящее время дискуссия, развернувшаяся вокруг двухтомного труда Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова Ш, еще более способствовала накалу страстей вокруг данного комплекса проблем со стороны ученых смежных специальностей — лингвистов, историков, археологов, компетенция которых оказалась затронута выходом этой книги и ряда статей тех же авторов.

Мне представляется, что ситуация ощутимым образом может проясниться в направлении увеличения однозначности выводов и соответственно уменьшения амплитуды мнений по отдельным проблемам в случае, если в нашем распоряжении будут конкретные тексты, содержащие в явном или неявном виде исторические данные, способствующие установлению в абсолютных величинах хронологических и пространственных параметров подлежащих изучению этнолингвистических феноменов. В таких обстоятельствах филология в качестве науки об интерпретации текста и в силу этого присущей ей комплексности [2] берет на себя роль синтезатора, интегрирующего результаты исследований целого ряда пограничных дисциплин гуманитарного цикла, переводящего факт лингвистической и в экспликативной части археологической реконструкции в ранг исторического свидетельства [3].

В связи со сказанным я думаю, что текстами, позволяющими датировать приход лувийцев в северо-западный угол Анатолии и постулировать территорию их распространения непосредственно в преданатолийский период в ареале, сопричастном Балканам с северо-востока, должны стать сообщения «Илиады» одвух группх ликийцев, принимавших активное участие в Троянской войне. В результате комплексной интерпретации, включающей в обязательном порядке лингвофилологический анализ ключевых слов в пределах определенного текста [4, с. 175], эти свидетельства, в случае достаточной достоверности результатов их истолкования, в состоянии выполнить роль отправной точки отсчета для определения в абсолютных величинах хронологических и пространственных координат членения прото- и праиндоевропейских диалектов.

Значение подобной интерпретации данных гомеровских текстов в указанном аспекте сравнимо лишь с перспективами, которые открывает решение так называемой проблемы переднеазиатских арийцев, осуществляемое под углом зрения индоарийской атрибуции арийских языковых вкраплений в клинописные тексты Передней Азии на хурритском и хеттском языках ([5], ср. [6]).

Однако в отличие от последних, использование гомеровских поэм в качестве исторического источника по проблеме, вынесенной в заглавие, неизбежно ставит вопрос, насколько правомерно совмещать хронологически факты Троянской войны, содержащиеся в «Илиаде», в лучшем случае датируемые 1260/1250 гг. до н. э. (конец Трои *Vila* — по К. Блегену) ([7, с. 174; 8, с. 383]; обзор мнений 19, с. 147)), и датировки проникновения лувийцев в Анатолию, разрушивших Трою I около 2500 г. до н. э., согласно Дж. Мелларту, сформулировавшему этот вывод, опираясь практически только на археологический материал [10, с. 9 и сл.; 11, с. 270 и сл.; 12, с. 119 и сл., особенно 128, 132]. Положительный ответ коренится в специфике поэтического статуса памятника. Дошедшие в единственной редакции поэмы представляют собой амальгаму индивидуально-авторского начала гениального Поэта (уровень актуализации [13, 14]) и фольклорного традиционного материала, хранимого в коллективной памяти народа (геср. сказителей-аэдов) на протяжении многих веков. Гомеровский эпос — отнюдь не историческая хроника, но поэтический феномен *par excellence*. С опорой на определенный эпический канон он преобразует историческую реальность в историю мыслимую, спрессовывая при этом в единый временной и пространственный срез огромный диахронический отрезок, вмещающий в пунктирном виде практически все слои археологической Трои, сохраняя их последовательность и, возможно, этнически маркируя — сознательно или, в соответствии с эпической традицией, посредством имен собственных (имеется в виду генеалогия Энея — П. XX, 215–240; специальное истолкование данного отрезка текста будет осуществлено в другой работе.

Все многомерное во временном отношении этническое пространство северо-западной Анатолии и — шире — Восточного Средиземноморья Гомер воплощает в синхронную Троянской войне мозаичскую картину, связанную воедино прихотливой, но геометрически строгой сюжетной линией (относительно Одиссеи см. [13, с. 198; 15, с. 102 и сл.]). Именно последнее обстоятельство позволяет нам посредством определенных процедур лингвофилологического анализа экстраполировать гомеровские свидетельства в глубочайшую доисторию.

В то время как проблема лувийцев в Трое по филологическим данным гомеровских поэм никем не ставилась, да и не могла быть сформулирована до определенного момента (см. ниже), наличие двух групп ликийцев в Илиаде (речь идет о ликийцах Пандара и Сарпедона — Главка) отмечалось неоднократно, однако этот факт пристального внимания не привлекал и должного разъяснения не получил. Кажется, только Э. Бете [16, с. 114 и сл.] предложил их строго различать; другие же — В. Лиф [17, с. 181 и сл.], У. Виламовиц-Мёллендорф [18, с. 585 и сл.], М. Нильсон [19, с. 261 и сл.], Л. Мальтен [20, с. 1 и сл.], Р. Карпентер [21, с. 66 и сл.] и т. д. — склонны с небольшими нюансами считать их одним и тем же народом, идентичным ликийцам, в исторический период населявшим Ликию на юго-западе Малой Азии. Их включение, наряду с киликийца-

ми, в число народов, обитавших в Трое, например, П. Кречмер считал, как и Виламовиц-Мёллендорф, «поэтическим вымыслом»¹. Недавно 8. Л. Цымбурский, изучая истоки культа Аполлона ликийского (~ кл.-]ар-ра-ii-u-на «бог страны Wilusa» = гом. [Xiov), напротив, с достаточной убедительностью защищал тезис о реальности обеих групп ликийцев и малой вероятности проникновения в Троаду ликийцев с юга 123—25; 9, с. 167].

Обе группы ликийцев упомянуты и разграничены в перечне Троянских ратей и их союзников в так называемом Троянском каталоге {П. II, 816—877}. Первые, обитавшие в Зелее под Идой в долине р. Эсеп (невдалеке на северо-восток от собственно Трои), согласно Страбону (XIII, 587), в 80 стадиях (9 милях) от устья этой реки, впадающей в Мраморное море [17, с. 181], идут под водительством Пандара, сына Ликаона (A'xhdov;...)l)6), после собственно троянцев Гектора и дарданцев Энея и прямо названы троянцами (Тр<Σ?) (П. II, 824—827); все прочие отряды в данном месте такого этникона не имеют. При этом в П. V, 105, 173 Гомер употребляет название «Ликия» (соответственно Αοχίῃν «из Ликии»; sv ΑΧΗΠ «в Ликии») в качестве абсолютного синонима к Зелее, называя немного далее, в V, 200 и 211, войско Пандара (как и П., 826) троянцами (Τρωοὶ — dat. pi.).

Объединение ликийцев Пандара и отряда Гектора под одним этником — *троянцы* полностью параллельно их парному употреблению вплоть до формульного выражения в весьма знаменательном контексте П. VI, 77—78: Αἰνεῖα xs xai «Этор steei ΤΩΩΨ ищи цу.кюхя//Трипоу xai Αἰχῶν εὐχεχXt-ai «Эней и Гектор, хотя у вас самая большая забота обращена на троянцев и ликийцев». Единство этих народов тонко отражено в переводе Гнедича: «...на вас... бремя забот о народе троянском». Формульность данного соположения этнических названий явственно проступает, образуя своего рода позицию нейтрализации, в П. XVI, 564, когда в борьбе за труп Сарпедона сошлись попарно «троянцы, и ликийцы, и мирмидоняне, и ахейцы» (Τριε; xai Αοχίοι xai Μυρμίδωνες; xai 'Α/ατοί) и где, несомненно, действующими союзниками троянцев — ликийцы Сарпедона и Главка, т. е. II группа.

В то же время порядок перечисления собственно троянских ратей, отражающий основной состав населения гомеровской Трои (забегая вперед, хочу подчеркнуть — Трои «Илиады», а не археологической) соответствует шесть раз встречающейся тройственной формуле: Τρως; xai Αοχτοτ xai ΑαρSavoi dy^aaυ7)-ai' «троянцы, и ликийцы, и дарданцы, сражающиеся (врукопашную)» (П. VIII, 173; XI, 286; XIII, 150; XV, 425; 486; XVII, 184).

Вторая группа ликийцев, предводительствуемая Сарпедоном и Главком, впервые упомяната в самом конце Каталога (П. II, 875—877). Эти ликийцы прибыла ΠΑΟΩV Ы Ауχίv; Zavbo'j lno Sty^ev-o; («из далекой Ликии, от бурлящего Ксанфа»), о них же в «Долонии» (П. X, 430) говорится как о стоящих вместе с мисами в Фимбре (по Strab. XIII, 598, в 50 стадиях к востоку) на троянской равнине в числе других союзников троянцев. Текст Гомера, несмотря на кажущееся этническое смешение на поверхностном уровне «зелейской» и «ксанфийской» Ликии, четко различает троянское и союзническое посредством употребления слова со значением «иноземец», т. е. «не троянец», образованного от основы κκX- «другой»

¹ См. [22, с. 189]. На с. 371 своей работы П. Кречмер пишет: «...в крайнем случае можно бы думать о колонии ликийцев в районе р. Эсеп, но при этом не оставившей ровно никаких дальнейших следов».

< и.-е. *aЦо-. Так, В II. V, 214 Пандар, ответствуя Энею, говорит: «Тотчас тогда пусть мне срубят голову иноземец» (аллбсрю; <pus), чем подчеркивается троянское происхождение Пандара; в то же время к Сарпедону, союзнику-ликийцу, в П.XVI, 550 применен однокорневой эпитет aXAc3aя? — «иноземец» по отношению к Трое.

Реальная идентификация ликийцев II группы (Сарпедона — Главка) затруднений не вызывает. Место, откуда они, согласно Гомеру, пришли на помощь троянцам, совпадает с исторической Линией, называемой хеттскими источниками последней трети II тыс. (письмо о Тавагалавасе, Анналы Тудхалиаса IV) страной *Lukka* (< анат. **Luka*); последняя давно отождествлена с греч. Аухта. Более ранняя ступень адаптации Лиха- отражена эпитетом Аполлона ADXTJTSVJC, собств. «рожденный в Ликии» (П.IV, 101, 119) [26].

Что же касается I группы троянских ликийцев, то ее более или менее позитивная этимологическая и историко-культурная интерпретация пока еще никем предложена не была (см. помещенный выше обзор мнений).

В последние годы утвердилась гипотеза, в окончательном виде оформленная Э. Ларошем [27], в соответствии с которой в и.-е. велярные, хорошо сохранившиеся в хеттском, в общелувийском претерпели в ряде основ частичное ослабление (Гanraissement partiel) вплоть до их полного падения, видимо, через ступень спонантизации: ср., например, начальный согласный: лув. кл. *im(ma)ra/i-* «поле, степь» — хет. *kim(ma)ra-*; лув. кл. *issari-* «рука» — хет. *kessar-* (и.-е. **ghesr-*); в инлауте: лув. кл. *parr(a)i-* «высокий (о горе)» — хет. *pagku-* (и.-е. **bhrgh-*), лув.; кл. *tijammi-* «земля» — хет. *tegan* (и.-е. **dghdm*) и др. Такая трактовка Ларошу кажется обусловленной соседством палатального вокализма. Помимо того, нетрудно заметить, что в шести примерах из девяти в списке Лароша можно наблюдать преобразование и.-е. звонкого придыхательного палатального *gh* (специально об этом явлении как наследии в общеоанатолийском индоевропейского противопоставления палатального *gh* глухому велярному к см. в ряде работ Вяч. Вс. Иванова [28; 29, с. 85]). Однако уникальность этого процесса в и.-е. языках, приводившего к падению гуттурального, вынуждает учитывать и возможность воздействия каких-то чисто лувийских условий, в результате которых в ряде случаев в середине слова происходила неожиданная спонантизация, в том числе и в случае а-вокализма, любого гуттурального, ср.: лув. кл. *nahhuwa-* «заботиться» — хет. *nakkes-*, лув. кл. *sahuitara* «правильный, законный» — хет. *sakuwassara-*; возможно, лув. кл. *sahhan-* «грязь» — хет. *sakkar/sakna-*, лув. кл. *luha-* «свет?» — хет. *lukka(a)* [30, с. 135, § 19]; ср. П. Мериджи [31, с. 194], который приводит примеры падения инлаутного велярного: лув. кл. *dauwa-* «глаз, взгляд» — хет. *sakuwa-* и засвидетельствованное только в хеттском *lala(k)wesa-* «муравей»; развивая идеи Лароша, Б. Чоп рассматривает падение разных видов гуттуральных в лувийском на более широкой материальной базе [32].

В рамках своей гипотезы Ларош [30, с. 64 и ел.] со ссылкой на П. Мериджи [31] и А. Гётце [33] предложил толковать лув. кл. основу *lu(w)i-* в названии страны *Lu(w)iya* [также *lu(w)iili* «по-лувийски»] из более древней формы **luki-* или **lukwi-*, тождественной упомянутому выше хетт. кл. названию исторической Ликии — *Лукка*. Эта форма в рамках лувийских диалектов претерпела спонантизацию велярного с последующим его выпадением и развитием в дублетных формах глайда -w- в хиатусе, видимо, в позиции, предшествующей переднеязычному (светлому) гласному *i*. Реальная форма *Lukki*, обозначающая народ, напавший на египетское по-

бережье, засвидетельствована в аккадской клинописи из египетского дипломатического архива в Телль-Эль-Амарне (I половина XIV в. до н. э.) [34, с. 396; 35, с. 369]. Впрочем, Ларош [271 при интерпретации хет. *Luk-ka*, лув. **Luki* ^> *Lui* специально привел уже упоминавшийся пример спондизации *k* перед *a* в лув. кл. *luha-* «свет»; ср. еще лув. иер. (личное имя, далее — ЛИ) *Lu-hi(a)* [26, с. 101]. Отождествление Мериджи и Ларошем старого *Lukka* и более позднего *Luwi-* признано Г. Нойманом [35, с. 370 и сл.] и Б. Чопом, причем для анатолийской этнонимической основы **Luk-* реконструирован индоевропейский корень **leuk-* «briller» [32, с. 16; 26, с. 100].

Таким образом, зелейцев/ликийцев, названных в «Илиаде» по крайней мере трижды троянцами (см. выше), вполне допустимо ретроспективно рассматривать в качестве лувийцев — носителей «западнолувийского языка» (в терминологии Хоувинка тен Кате [36, с. 72]), сохранявшего при всех условиях, в противоположность «восточнолувийскому», А-велярное, в том числе перед палатальным *i*, как в интересующей нас этнооснове **Lu-yl-*. Последняя нашла совершенно точную передачу в форме гом. Αοχίοι (resp. Αιχτα), сохранившую в процессе транскрипции велярный *k* + *i* в основе. По времени греческая передача может относиться к самому началу периода формирования греческой фольклорной традиции вокруг событий Троянской войны или приуроченных к ней (XIV—XIII вв. до н. э.). Уместно отметить, что все тексты на самом лувийском языке, содержащие только основу *Llu(w)i-*, обнаружены исключительно в клинописных архивах Хаттусаса [30, с. 10], т. е. далеко к востоку от приморских областей Западной Малой Азии.

Возвращаясь к двум племенным группам гомеровских ликийцев, необходимо иметь в виду ряд моментов, связанных со спецификой нашего источника. Текст «Илиады», будучи основан на фольклорной традиции, представляет собой плоскость проекции разнохронологических и гетерогенных пластов, уходящих в глубь доистории, по меньшей мере за шесть веков до периода жизни Гомера. Этот текст даже на поверхностном уровне, данным в непосредственное восприятие, при внимательном прочтении содержит разной степени очевидности свидетельства, вынуждающие нас этнически разграничивать зелейских и ксанфийских ликийцев. Это не только выражается в том, что первых он, наряду с войском Гектора, включает в число троянцев, а вторых — в число союзников, но и в другом, менее явном факте. Как уже писалось, Гомер в «Илиаде» употребляет в качестве абсолютных синонимов, находящихся в дополнительном распределении, название родной земли Пандара «Зелея» в Π, 824 — текст см. выше; ср. также следующие фрагменты текста с обещанием сотворить жертву «Аполлону, рожденному в Ликийи» (ἁ-/m.ʔe[eʹ]); «по возвращении домой в священный город Зелею» (οἶχαος νοστῆ/Γαῖ ἑρ-ʔ? euio-ʹj ZEASITʔ — IV, 101—103; 119—121)² и «Ликия» в V, 104—105: ... si i-eov γε wpoev aval AIK UIK aipovavov Aεα[Γ]οεν «если меня воистину побудил владыка сын Зевса [Аполлон] выступившего из Ликийи»; 173: οιοε -κ ev AOXIY; aso f'sox^{stou} Eivou a[Γ]Asivw «и даже никто в Ликийи не похваляется, что он тебя [Пандара] лучше».

Поздний комментатор Гомера Евстафий (XII в. н. э.) под Π. II, 824 тонко разъясняет весь ключевой для нас отрывок «Беотии» о Зелее в ее отношении к названию «Ликия» и этнониму «троянцы»: ... σπῆκεοςσι Ss

² В цитированной формуле содержится важное свидетельство того, что в Зелее главным богом был Аполлон *Aomfsvi-fi*.

evxaoAa oi iraXatoi ort TJ [XSV xaxa navSapov yjopa OJKOMHOC -c] sv xф 3av6(p Aoxia xaXstxac, Tpfie? 5s oi oixTjoxepes exrrotrлk..., oxi 8s xoiooxo; Aoxioe 6 ПdvSapGK xai oxi Auxia ore' айхф jv SV q ZeXsia, STXOT to, oooс xi? ev Auxii ооо eo'сxai xpeicov elvai Sio xat Aux7jYsvst 'ArcoXwvi ev xotc SYTG eoфexai. pijxov o3v sv oXitp oxi ou [AONOV ZeXeиxai oi xou ПavSapou aX*Xa. xat Tpfisc, TCTI SE xai Auxtoi xpiwvuxta ouv 48vCT) xai ivxaoAa ibc xai siti xiv MupAibwv itpostTjxai («...ибо древние [авторы] здесь указывают, что земля, подвластная Пандару, называется омонимично Ликий, которая на Ксанфе, а обитатели — троянцами гетеронимично..., а что этот-то Пандар ликийец и что Ликия, подвластная ему, была в Зелее, поясняет выражение „и даже никто в Ликии не похваляется, что он сильнее тебя” [П. V, 173.— Г. Л./], поэтому и Ликегенею Аполлону он [Пандар] молится после. Поэтому можно коротко сказать, что [это] не только зелейцы Пандара, но и троянцы, а также и ликийцы. Так что и здесь этническая трионимия, как [это] говорится о мирмидонянах». В то же время Гомер ни разу не назвал народ, подвластный Пандару и его отцу Ликаону, ликийцами (Aoxiot), а всегда троянцами (Трше?) (П. II, 826; V, 200, 211). Напротив, этнином Aoxioi в различных падежах употреблен в «Илиаде» по отношению к войску Сарпедона и Главка 45 раз [37, с. 489—490], а в цитированных выше стихах Троянского каталога, где вводятся в эпическую ткань ликийцы II группы (П., 876—877), в минимальном контексте совмещен этнином Aoxiwv (dat. pi.) и топоним (sx) Auvje «из Ликии». Только в устойчивом выражении, дважды использованном в эпизоде ранения Пандаром Менелая (IV, 196—197; 206—207), текст предоставляет возможность весьма неопределенно судить об этнической принадлежности Пандара, практически ставя знак равенства между его ликийским или троянским происхождением: ov xi? owсuсac ipaXsv xfa-v ei eбuс/Tp-CT(jv tj Aoxicov, xф [ASV xkioz ищи 6s iceov; «которого паразит, спустив стрелу, какой-то искусный стрелок из Троянцев или Ликийцев, ему на славу, а нам на скорбь».

Здесь мы сталкиваемся с одним из самых существенных принципов гомеровской поэтики, выражающемся в достаточно четком соблюдении граници традиционно-фольклорного начала (мифопоэтический уровень) и индивидуальн авторского (уровень актуализации) [14]. Благодаря этому принципу, вытекающему из самой природы эпического творчества, гомеровские поэмы, как уже говорилось, являются хранилищем информации, восходящей к эпохе за несколько веков до самого Гомера, в том числе к периоду Троянской войны, наряду со сведениями, близкими по времени к периоду жизни Гомера (VII—VIII вв. до н. э.) или современными ему. В силу этого текст гомеровских поэм обладает двумя специфическими видами историзма — фольклорным, позволяющим расширять рамки повествования далеко в глубь веков, и авторско-личностным, синхронно совпадающим со временем создания поэм Гомера. Руководствуясь изложенными принципами, поэт, по-видимому, в каждом конкретном случае предпочитает авторской интерпретации традиционн сложившийся текст, когда глубинный смысл сообщаемого стал уже недоступен ни автору, ни слушателю, и важная информация остается в латентном состоянии, нуждаясь в реконструкции. Так обстоит дело, например, с дважды встречающимся формульным выражением "pвсacov sfosxa 8dpxw «из-за женских даров» или, точнее, «из-за даров женщине» (об убитых под Троей кетейцах — Od. XI, 527; о погибшем в Фивах Амфирае — Od. XV, 247) [38, с. 34 и сл.] и с двусмысленным по значению и искусственному по образованию гомеровским гапаксом Sicxavss (ожидалось бы SiGavic) «дважды умирающие» или «дважды мертвые» (по отношению к возвратившимся из Аида

Одиссею и его спутникам — Od. XII, 22). По всей вероятности, последнее слово было специально создано самим Гомером или его эпигонами для обусловленной эпической традицией консервации мифологического контекста и осуществления глубинных композиционных связей между «Nσxῆιx» и обязательными по скрытой логике развития ритуально-мифологического сюжета двумя посещениями Кирки до и после катабасиса [13, с. 197].

К такого рода свидетельствам, требующим особого истолкования, несомненно, принадлежат и фрагменты текста, связанные с троянцами Зелен/Ликийи, и в частности с формулой Τρῆες xai Aἰμοὶ xai AdpSavoi if/i-/Lixuyi-ai. Гомер настолько остранным-бережно относится к кругу текстов о зелейцах — Пандаре и Ликаоне, что один эпизод в V песни «Илиады» на поверхностном уровне выглядит весьма противоречиво, поскольку Пандар в нем предводительствует как бы вообще троянцами, да еще ведет их в Илион.

Так, Пандар в диалоге с Энеем заявляет, что Ликаон, его отец, повел ему «предводительствовать троянцами в жестоких сражениях» [... Αὐχάωω ... JA' xse/ʃsʃs ... /fɪpysostv Tpcosct хата храсепд? oapʋvas (Π. V, 197—200)] идесятью стихами ниже: «... когда я повел в прелестный Илион троянцев, неся благо божественному Гектору» (... 6-E 'ШОЧ el? ~~επειδὴ τῶν Τρῶων~~ Τρῶεςσι, ~~οὐδὲν~~ uaptv "Ex-opt S'q)— Π. V, 210—211). Схолии, справедливо улавливая здесь *contradictio in adjectum*, живо комментируют приведенные стихи. В Schol. A³ ad V, 200 прямо сказано: ip/eueiv Tpiosaat] οὐδ' οἱ Τῖν Ζεξεταὶ Οἰχόοις; ~~οὐδ' οὐ~~ "ISTJV xai iri nivSapov Tpus? Εἰς οὐκ-ο («предводительствовать троянцами»), потому что населяющие Зелео под Идой и подвластные Пандару назывались троянцами»). По поводу же V, 211 оба кодекса схолий содержат пространные, взаимодополняющие и далеко не однозначные комментарии к употреблению этнонима Τρῆες; (dat. pi.). В первом абзаце Schol A ad loc. читаем: он асы той Τρῶων οὐκ Οἰχόοις Ss τί "Εχχορί. xivke, 8ē dfoCmse 64l Xifovxai x'ad ol (mo ndvSapov Tpus.; [je-ca'p'i]ooc "Τρῆεςοὶ τρῶωνυδtv [Πῶς τὰν Κῆν «потому что ([стоит] sc. Τρῆες) вместо [повел] тех из троянцев, которые под Идой, угождая Гектору. А некоторые не зная, что [здесь] говорится и о тех троянцах, которые подвластны Пандару, исправляют „[повел] троянцев укротителей коней, неся благо“». Затем в том же кодексе А предусматриваются три возможности толкования: 1) под формой Τρῶεςσι подразумеваются «конечно, троянцы в целом» (Τρῆες/ ΤΠΟΙ хаΟοΧῆς), как в Π. VI, 1; 2) подчиненные Гектору (-οτε ιδί) "Εχχορ TSTOLYP-SVOI-) как в Π. II, 816; 3) ИЛИ зелейцы (Ἰλῆ xai xoiz ZeXsi-rai?), как в Π. II, 824. Кодекс В присоединяет еще четвертое соображение: «а некоторые, не желая, чтобы зелейцы были троянцами, говоря „Гектору“ (dat.) вместо „из-за Гектора“, как в [выражении] „из-за тебя (ο Ζεῦς — dat. pronom. pers.) мы сражаемся“ (I. V, 875)» [xivs? δς μ εεXovts? Τρῆες sivaί -οοι? Zs/vgixa; xō "Ex-opi axi -oo ot, "Εχχορd τρῶιν s; xo "coi -dv-ce? ;ia)fbasc9a» (Π. V, 875) J, к чему схолиаст добавляет: οὐκ su «не хорошо». Необходимо подчеркнуть, что абсолютно все тексты, связанные с Пандаром и его троянскими зелейцами, вызывали, видимо, у схолиастов недоумение и потребность в комментарии, см., например, к неоднократно упоминаемому стиху Π. II, 827: (Schol. B) «и ж [зелейцев] страну [Гомер] зовет Ликийей, а обитателей троянцами» (ω Τῖν ἰκν -/αἰρῶ

³ К сожалению, я вынужден был довольствоваться единственным изданием схолий [39]; новейшее пятитомное издание схолий Г. Эрбе (Berlin, 1968—1977) оказалось недоступным. Под звездочкой в кодексах даются «интермаргинальные» схолии.

хаXst Auxiaiv T00? 8ē oixYtopas Тршас). Обратил внимание на этот фрагмент (824—827) и великий комментатор Гомера Страбон. Цитируя отрывок целиком, он предваряет его следующим замечанием: «затем [идут] подвластные Пандару, ликийцы, которых самих [Гомер] называет троянцами» (st0' oi oño IlavSapa) Aoxiot, oik xai oγtoo; хаXst Трwas — Strabo XIII, 585). Здесь Страбон допускает неточность, поскольку, как уже отмечалось выше, Гомер ни разу по отношению к зелейцам Пандара не употребил этноним *Aaxioi*. Впрочем, в предшествующей книге (XII, 565) он пишет аккуратнее, опираясь на те же стихи «Илиады»: «[Гомер] подряд к северу помещает Ликию, подвластную Пандару, в которой Зелея» (ti0Tctv S'EET); трo? *apxov* xai TM Aox'tav TIM OTZO IlavSipcv sv T f ZsXsia). Правда, и здесь есть маленький нюанс, «улучшающий» Гомера, нигде прямо не включавшего Зелею в троянскую Ликию. Все, что мы у него находим, — это употребление дважды о Пандаре в II. V, 105 и 173 (см. выше) названия «Ликия» в качестве абсолютного синонима Зелеи. Оба случая не преминули прокомментировать схолии кодекса A (ad. V, 105): Aoxnqeev], *6Π T7; Tpo'ixv; A'x'tac «из Ликии», потому что из троянской Ликии», и затем: Aox'tGe-/ Auxias j'icopa; rfi s'laGiXeos Tαpπ[8i>ч. *sa-zi 8k xai stspa tt*; Tpad'ο? -KOKIC, -Π; spaiXsuE n&vSapos «из Ликии» из ликийской земли, которой управлял Сарпедон. А есть и другой город Трояды, которым управлял Пандар»; (ad. V, 173): *Б Aox'tij<cm -TIV TpwX'Tjv Auxiaiv Kijei «потому что [Гомер] говорит о троянской Ликии». Согласно словарю Папе-Бензелера [40, с. 822], одна из схолий к IV, 88 также в связи с Пандаром называет троянскую Ликию «малая» (ε, λικρ&); см. в приведенном ниже комментарии Евстафия к П. IV, 101 об Аполлоне Ликегенее: r, -r, [tvaXid . . . т) и [xtxpа.

В схолиях к другим стихам «Илиады» имеются аналогичные отождествления Зелеи и троянской Ликии. Так, в связи с обетом Пандара, по настоянию Афины, принести в Зелею жертву Аполлону XIXΠYSVSI (П. IV, 101—103; 119—121 — в формульном выражении) кодекс A толкует eSchol. ad. IV, 101: *Auxijfjsvsi] б-л ато TIS TpaXijjs Auxtas, 1f YS ha~iv o fiivSapo; («потому что по троянской Ликии, из которой Пандар») и совершенно однозначно — ad IV, 103: oix0Se VOOTISOK] OΠ 'q oko ч "IS-/ A:xjia to roxXaiov ZsXsta ExaXsTto Sia to rov 'A'oxXwa iv aikf Xiaiv siteefsToQai («потому что Ликия под Идой в древности называлась Зелеей, поскольку в ней очень почитался Аполлон»). В унисон к приведенным схождениям, Евстафий разъясняет ключевой для всего нашего построения отрывок из Троянского каталога под П. II, 824: Xeyoπαd Se, tpijai, xata Tiva; oi toU UxvSipo'j ZsXsi'at xai Auxioi. xai 6 yeopaφo; Ss tpijav ort Auxtoi oi Tpwixoi, xai STEpot ppo; π) Kapta, -spi tev o.otovojδ spjotv SITIV OC TOUS ezkpo'jt; aitouted'aov. erci Ss, «pTji, Auxjoi oi rcspi ZeXstav, fiit TOULO xai Ayxdoov ap'/jyo; au-uv xai 'AwXXov aToQi Tiaatat Auxr'Ev'; («а называются подданные Пандара зеленцами и ликийцами. И географ [Страбон] говорит, что [существуют] троянские ликийцы и другие возле Карий, о каковых мнение есть, словно одни отселились от других. А поскольку он говорит, что ликийцы те, которые вокруг Зелеи, поэтому и Ликаон — вождь их, и здесь именно Аполлон почитается Ликегеней»).

Как видно из приведенного материала, античная и более поздняя экзегетика (схолии, Страбон, Евстафий и др.) весьма чутко отозвалась на затемненность и кажущуюся противоречивость круга текстов, связанных с жителями Зелеи/Ликии Пандара и ликийцами «исторической» Ликии Главка — Сарпедона. Однако не располагая приемами современного историко-филологического анализа и не имея представления о многокомпо-

ненности поэтического пространства по вертикали, древние комментаторы Гомера, как, впрочем, зачастую и современные филологи-литературоведы, вынуждены были оставаться в пределах поверхностного (актуального) уровня текста. Они довольствовались координацией и приведением в соответствие противоречивых фактов данного текста, развертывающихся как бы в идеальной синхронии, дополняя его сведениями современной интерпретаторам мифоисторической традиции и схоластическими рассуждениями, нередко окрашенными упрощенным эвгемеризмом или народно-этимологической параномазией, (см. например, схолии кодекса В к П. VI, 173 или V, 211, а также приводившуюся вышес Shol. A ad. I, IV, 103, где топоним *Zs/eia*, по-видимому, сближен с *ἰζήσο* «ревностно почитать», на что обратил внимание В. Л. Цымбурский [24]. Между тем гомеровской «эпохи», по совершенно обоснованному наблюдению И. М. Тройского, как некоей с и н х р о н и ч е с к о й реальности, изображаемой в эпосе, не существует. В эпосе отражена не отдельная эпоха, а огромная перспектива исторического развития [41, с. 150 и ел.], что полностью совпадает с изложенным выше относительно хронологической «компрессии», проявляющейся в виде разнохарактерных отголосков в тексте поэм исторических событий, имевших место на протяжении нескольких археологических слоев Трои — Гисарлыка, задолго до времени Троянской войны, воссозданной Гомером по эпическому канону на основе традиционно-фольклорного и индивидуально-авторского историзма.

Преодолеть рамки текста, данного нам в непосредственное восприятие, и осуществить восхождение к глубинным уровням эпического подтекста, содержащим *implicite* историческую перспективу реального мира, оказалось возможным, лишь благодаря тому, что выше пунктирно обозначено понятием «лингвофилологический анализ», базирующимся на совмещении чисто филологических процедур с приемами реконструкции, давно уже ставшими после разграничения лингвистики и литературоведения прерогативой ряда сугубо лингвистических дисциплин — этимологии апеллятивной и топонимической лексики, диахронической, исторической лексикологии и т. п. От этих дисциплин современная «ортодоксальная» филология полностью отгородилась, не в пример, кстати говоря, древней экзегетике, включавшей в качестве неперменного компонента толкования, главным образом в отношении имен собственных, этимологические версии в духе того уровня науки, не выходящего за границы параномасиологической игры. Именно достаточно строгий лингвофилологический анализ позволяет проникнуть в глубинные слои текста и в значительной мере тем самым ведет к снятию противоречий на актуально-эпической плоскости поэм. Эти противоречия обусловлены, как мы уже говорили, утратой связей между конститутивными элементами некогда единой ситуации и диахроническими наслоениями. Такой анализ приводит нас в итоге к проявлению темных мест текста. Тем самым посредством совокупности лингвофилологических процедур (преимущественно семантико-этимологического анализа) осуществляется воссоединение внеположенных тексту междисциплинарных фактов с конкретными единицами и цельными отрезками текста на всех его уровнях.

Относительно изучаемого здесь случая с двумя племенными группами ликийцев, проблема которых волновала не одиё поколение филологов — комментаторов Гомера с античных времен, необходимо отметить, что в содержательном смысле ее решение могло наметиться и теперь представляется осуществимым только в условиях современного уровня наших знаний о Восточном Средиземноморье и Ближнем Востоке: а именно после

прочтения хетто-лувийских письменных памятников ранней и поздней поры, расшифровки крито-микенских табличек, введения в научный обиход многочисленных данных палеобалканских языков, особенно фракийского, и необычайных успехов в послевоенные годы археологии Юго-Востока Балканского полуострова и Малой Азии.

Прежде чем перейти к дальнейшему воссозданию исторической реальности, проступающей вообще в ликийской теме «Илиады» и занимающей в ней почти равное место с собственно троянцами/дарданцами, необходимо специально отметить, что филологические истоки данной реконструкции могли сохраниться в синхронной поверхностной ткани поэм единственно в силу гомеровской поэтики. Следуя ее принципам, в своей ориентации на фольклорную традицию поэт оставил в неприкосновенности деформированные на протяжении многих веков в содержательном отношении фрагменты текста и общую конфигурацию тем и цельных композиционных блоков, возникших на базе реальности, чуждой непосредственному пониманию поэта и к его времени превратившейся в глухие мифопоэтические отзвуки, способные преобразовать хеттов одновременно в амазонок и в легендарный народ кетейцев, сохранившихся в виде совершенно темного и спонтанного упоминания в трех стихах XI песни «Одиссеи» (519—521). В своем стремлении к консервации традиционных эпических компонентов (духовно-ритуальных, исторических, географических, этносоциальных и т. п.) поэт по большей части оказывается ближе к реальной истории, чем его прагматические комментаторы, даже такие, как, например, Страбон, не говоря уже о схолиастах и компиляторе Евстафии, жившем в X в. н. э. К тому же у нас нет никакой уверенности, что поздние эпигоны, даже великолепный Квинт Смирнский (III—IV в. н. э.) с тремя песнями о «Кетейцах» (VI—VIII) в «Постгомериках», едва ли располагали независимой информацией, претендующей на догомеровский статус. Добавим ко всему этому совершенно особый род проявления индивидуально-авторского начала, например, в сюжетно-тематических комплексах Диомеда, Энея, отчасти Сарпедона и др., когда Гомер свободно перекомпоновывает традиционный материал в соответствии со своим авторским замыслом, инспирированным его поэтической сверхзадачей — созданием возвышенно-прекрасного, трагического образа мира, полного высоких и недостойных страстей как людей, так и богов. При этом и сама перекомпоновка детерминирована в значительной степени глубинной исторической структурой перерабатываемого материала. В результате на актуально-эпическую плоскость поэм как бы проецируются те древние конкретно-исторические импульсы, которые обусловили данную фольклорную традицию у ее истоков.

Итак, приведенная аргументация, мне думается, дает достаточные основания, согласно высказанной выше гипотезе, видеть в гомеровских тротянских ликийцах, населявших Зелёю — район к северо-востоку от Илиона, у подножия Иды (I этническая группа ликийцев), — в ретроспективной реконструкции — жителей страны **Luka*, располагавшейся в северо-западном углу Анатолии. В исторический период это название было засвидетельствовано хеттскими клинописными источниками в форме *Lukka* для обозначения области на юго-западе прибрежной Анатолии в более чем четырехстах километрах от Троицы; последняя фиксируется в греческой письменной традиции, возможно, с микенского периода в виде *Auxta*; жители ее именуются *Aoxioi*, (ср. лин. В *ru-ki-jo* = Аохюс? — ЛИ из Пилоса [42, с. 300]; *ru-ki-ja* = *Auxta*? и *Auxta* [43, с. 124] (II группа ликийцев). Тот же анатолийский этникон **Lukawana/i* греки

восприняли в форме мн. ч. Аха(F)ove; и уже от него образовали Аpx<x(F)ov(a — топоним на юго-востоке континентальной части Анатолии, место обитания этого народа, где хеттские клинописные источники помещали одну из областей исторической Лувии, по всей видимости, в свою очередь, располагавшейся между Арцавой и Кишцуватной [30, с. 8; 44, с. 130; 1, с. 956—957 (карта)]. Таким образом, Aoxtot: Aux'ta, будучи непосредственной адаптационной передачей зап.-лув. этнотопонимической основы *Luki-/a-, являются дублетами данных форм. Поэтому вполне правомерно упоминавшихся троянцев Пандара, населявших Зелёю/Ликий, этнически идентифицировать с лувийцами клинописных источников.

Глубинная подтекстовая связь троянской Ликии с анатолийским названием страны *Luka- явственно проступает у Гомера в имени отца Пандара A'jxi(F)wv, -ovov, для которого мною в свое время был восстановлен в качестве исходной формы этникон *Luka-wana- «житель страны *Luka», во всех отношениях равный хетт. кл. lui-um(a)-na- «житель страны Lu(w)ija», «лувиец»; лув. этникон-суффикс -wana/i- = хетт. кл. -(u)ma-na, (u)mna- [26, с. 103 и сл.].

Тесная связь троянских ликийцев с собственно жителями Илиона (resp. Трои) в обычной для гомеровского эпоса манере отражения этнических взаимодействий включена в генеалогическое древо властителей Трои: один из сыновей Приама и Лаотои — дочери царя лелегов, проживающих в Педесе (П. XX1, 85—88), брат Париса-Александра, также носит имя A-jxa(F)ov и занимает в «Илиаде» сюжетно неоправданно большое место, будучи упомянут 5 раз, из них 4 раза в конечных песнях (XX, 81; XX1, 35; XXII, 46; 23, 746), причем обращает на себя внимание травестизм по отношению к нему, вероятно, ретроспективно обусловленный: в III, 333 доспех Ликаона надевает Александр, в XX, 81 его голосом говорит Аполлон, более всего почитаемый в Ликии/Зелее (IV, 101—103) как A-jx2(zum)- «рожденный в Ликии».

В свете развернутой выше гипотезы о лувийском (в реконструкции) компоненте в составе населения гомеровской и вообще археологической Трои в данный момент представляется весьма трудным предугадать все далеко идущие последствия этого фундаментального и совершенно нетривиального положения для этногенеза народов всей Эгеиды, особенно западной Анатолии и юго-востока Балкан. Уже сейчас становится очевидным, что в пересмотре под этим углом зрения нуждаются многие лингвистические и культурно-исторические факты как конкретные, касающиеся топонимики и ономастики, так и более общие — из сферы этнокультурных, а также доисторических и исторических взаимодействий в в указанном регионе.

Прежде всего постулирование лувийского этнического компонента в Трою коренным образом расходится с весьма категоричным положением моей книги о почти полном отсутствии в топонимике гомеровской Троады лексем хетто-лувийского происхождения [9, с. 164; 45, с. 28] и, соответственно, сравнительно поздним проникновением туда хеттоязычных племен. Некоторое число антропонимов, имеющих достоверные хетто-лувийские этимологии, относилось, как теперь выясняется, без достаточных оснований, за счет более поздних (вассальных и пр.) взаимодействий Илиона (хетт. кл. *Wilusa*) п Трои (хетт. кл. *Taruisa*) с собственно хеттской империей незадолго до периода Приамовой Трои (археологический слой V1a, приблизительно 1300—1240 гг. до н. э.). Эти контакты преимущественно осуществлялись с хетто-лувийскими территориями, примыкающими к Троаде с юго-востока Анатолии (ср. Договор Муватталиса с Алак-

сандусом из Вилусы: 1306—1282 или 1325—1305 гг. до н. э.; *Анналы Туд-халияса IV*: 1250—1220 гг. до н. э.). Среди них важнейшее ЛИ Пр²адо- = *Prija-ma* < анатол. **Prija-ma*, на базе хетт.-лув. *p(a)ri(ja)-*, т. е. «первый, исключительный», ср. лие. В. *pi-ri-ja-me-ja*; сюда же, видимо, П²д²с с его вторым династическим именем 'АХ²л²ю*ро?, возможно, это греческая: адаптация хетт. кл. *Alaksandus* — имени царя Вилусы [26, с. 142] (см. ниже о фрако-лийских соответствиях); в их числе следует упомянуть интерпретируемый выше Аох²д²в (тоже сын Приама) и несколько других личных имен [9, с. 166 и ел.].

Как мне теперь представляется, в свете высказанной гипотезы нет никаких препятствий считать лувийскими (resp. хеттскими) по происхождению, сверх рассмотренного подробно троянского названия Лих². < лув. **Luka*, следующие топонимы Троады. КtXixta — область, прилегающая к Троаде с юга, согласно Schol. Eur. Rhos. ad 5 [46, с. 143]: КtXixi'a sv "oT? ил²р²о²с²г²в ил²р²с²о²i тт; Тоо is? xettai (ср. Strab. XIII, 612); жителей этой области Гомер называет *Кул/ес*, (П. VI, 396—397); из них происходила Андромаха, жена Гектора. В исторических местах обитания в верхнем течении Галиса (зап. Катаония) и позже к югу от Тавра в собственно Киликии данный этноним засвидетельствован ассирийскими источниками периода правления Сеннахериба (705—681 гг. до н. э.) в виде *Hilakku* и несколько раньше при Салманасаре V (726—722 гг. до н. э.) — *Hiluka*, арамейск. *hlkun* (конец V в. до н. э.) [47, с. 71]. Их правитель носил определенно лувийское имя *Pi-hi-ri-si* [48, с. 54 и ел.], ср. хетт. МН "*Pi-hi-ri-ja-an* [49, № 1008]. Название одного из двух главных городов троянской Киликии — Абр²У²о²о²с, как правильно отметил Вл. Георгиев [50, с. 9], имело явно хетто-лувийский облик, хотя соответствующего апеллатива в хетто-лувийском словаре пока не обнаружено. Весьма правдоподобную словопроизводную связь В. Л. Цымбурский [51, с. 16 и ел.] устанавливает между этнонимом Кt/a-K-s; и названием священного троянского города КiXXa вблизи Фив на берегу Адриатического залива, являвшегося, наряду с Хрисой, одним из главных мест почитания «троянского» Аполлона, в связи с чем его эпиклеза гом. КiXXi oc (ср., возможно, в линейном В ЛИ nom. sing. f. *ki-ri-ja-i-jo* [52, с. 420], затем КiXXo.Toc — река, текущая с Иды, КiXXaiov — город в Трое и на Лесбосе). Как святое место с храмом Аполлону он соотносит МН КiXXa (в качестве греч. передачи) с хеттским клинописным апеллативом &hila «Einzaunung, Viehhof; Hof des Mondes und der Sonne» [53, с. 6]; *Hilasssi* «(dieu) du hila», т. е. «бог двора», лувийский (?) dat. "*Hilasslli* [54, с. 69] и т. д.; лик. *qla* «enceinte, sanctuaire» в конструкции *eni qlahi ebijehi* «la Mere du *qla*, d'ici» [55, с. 183] *qlahi* (= *hilassi*) — атрибутов к Лето, матери Аполлона [36, с. 93]. Геминирование *I* в КiX/oc свойственно греческим передачам хеттских прототипов: ср. лид. ЛИ Каа-wXXo; и др. при килнк. МН *Kao-Xiz* от хет. *H/hastali-* [26, с. 148 и ел.]; ср. еще исавр. ЛИ Го.X(X)ac от хет. основы *kula-* [36, с. 51; 56, с. 15]; сюда же исавр. ЛИ Ксыл/i? при *KouXex* [57, § 726 -3, -4], а также встречается в самом хеттском, ср. ЛИ Ш1(1)ann1 [49, № 353], видимо, от упомянутого хет. *hila*. Наглядная семантическая параллель к образованию топонима от апеллатива «храм» наблюдается в догреч.-анат. Пар²ас(о)о? от лув. кл. и иер. *pama-*, хет. *parn-*; *pir* и пр. [26, с. 147 и ел.; 9, с. 95 и ел.]. Уместно указать на соответствие хет.-лув. *H/hila* во фрак. -xtXac/-o?, -xeXas/-o?, -xsiXas/-o?, особенно в композитах Aiou-xetXac, -xtXac, St-xsXa?, -xtXos [58, с. 237 и ел.], собственно «двор, храм бога светлого дня» [59, с. 59 и ел.]. К этой же группе лексем, включая гом.-троянск. К'XXa, относится фрак. МН

Cillae, -ium, KsXXai/-Tj — mansioj nordlieb des Hebrs, согласно Д. Дечеву, но с менее убедительной формальной этимологией (из и.-е. **k^hel*-«источник», нем. *Quelle* [58, с. 238]), хотя контаминация лексем со значениями «огороженное место и пр.» — «источник» не исключена [60, с. 83]; сюда же, вероятно, мессап. МН *kilahiahi* (gen. sg, ср. KIXATJ:) [61, с. 151; 62]⁴.

Ш8аоо; — город племени Ле'/г'г; (И. XXI, 86—87, ср. VI, 35; об этнониме см. ниже), расположенный в области к западу от Лирнесса, вдоль побережья Адриатического залива; при хет. МН *Petassa* определенно может быть соотнесено с хет. *peda*- «место» [63, с. 5], ср. хет. МН *Pitassa* [64, с. 4901; в лик. В (миллийском) имеется синкопированная форма *pdi* «место» (TL, 55,1), abl. *pddsti* (TL 29,14), *pddati* (TL 29,6) (указано Л. С. Баюн). Сюда же νῖοαῶν — город, из которого пришел *Iлзрю;., зять Приама, без локализации у Гомера (П. XIII, 171—173), согласно Schol. A ad loc. = троянск. Ц3аоо;.

Wksisc — название легендарного племени, засвидетельствованное также на юго-западе Малой Азии, Геродот (I, 171) отождествлял их с карийцами; в П. X, 423 это племя — упомянуто среди других хетто-лувийских союзников троянцев. Этноним хорошо идентифицируется с хет.-лув. *lulah(h)i*- «barbare» [30, с. 64; ср. 54, с. 123].

Все упомянутые города находятся против о. *Iлзрю;., многократно упоминаемого Гомером; лувийское происхождение этого топонима неоспоримо: ср. лув. аппеллатив *im(ma)ri-la*- «сельская местность, поле, степь», в лик. LI *laipas*, I;-fртj; [9, с. 106 и сл.].

Таким образом, в эпоху Троянской войны области на юге Троады, сравнительно узким поясом охватывающие подножье Идейского кряжа, еще были населены хетто-лувийскими племенами. Вместе с лувийцами Зелей, расположенной на крайнем северо-востоке Троады, также у подножия Иды, они могли представлять ограниченные географические этнические вкрапления реликтового характера, отделявшие внутренние части Троады от обширных районов мизинцев и фригийцев Малой Азии, за которыми простирались уже исторические области хеттов и лувийцев.

В культурно-историческом аспекте отождествление Троянской Ликии/Зелей с анат. **Luka* и ее населения, соответственно, с лувийцами хеттских клинописных текстов влечет за собой необходимость значительного переосмысления многих устоявшихся в науке мнений относительно узко липкийской этнической атрибуции ряда явлений греческой эпической, историко-литературной и мифологической традиции, а также дает возможность понять, почему ликийская тема занимает столь значительное место в батальных сценах «Илиады» и главное в структуре сюжета, заканчиваясь только в XVI—XVII песнях гибелью Сarpедона в поединке с Патроклом и сражением за труп первого. Мало того, Гомер, сохраняя основанное на традиции разграничение двух групп ликийцев, склонен не только иногда без различия употреблять название *Αἰχῶν*, при упоминании их отчих земель (см. выше), но и объединяет обе группы под этнонимом *Λῆιοι*, которые входят в известную трехчленную и парную формулы, отражающие этнический состав коренного населения гомеровской Трои: «Τρῆζ; xott Aoxtoi v-cū Дярийонс» и «Τρῆζ; xat Auxuov». Эта более общая таксономическая единица четко выступает в XVII песне, когда Гектор,

⁴ В свете изложенного, возможно, знаменателен контекст мессапской надписи 7, 24: *kilahiahi...appalloa* (ib.), к последнему ср. ЛИ *'Ar.oWac*, sc. 'ΑτρωΧα?" [40, Bd I, с. 107].

в Эгее более чем скромную роль, в значительной мере эллинизированной и к тому же географически находившейся от Трои в 400 милях морем, отдаленнее всех союзников [17, с. 312; 19, с. 261]. Даже для объяснения одной только роли ликийцев в Троянской войне, почти равной троянцам Гектора, с исторической точки зрения явно недостаточно предположительных ссылок на то, что ахейцы (особенно греки Родоса) постоянно вели в течение микенской эпохи войны именно с Ликией и постоянно плавали вдоль ликийских берегов [19, с. 262] или что ликийцы, будучи «торговыми посредниками между юго-западными областями и рынками Трои», воевали с талассократией Родоса за дарданелльские проливы на путях к северу, и поэтому Троянская война отражает именно эти конфликты [17, с. 320; 67, с. 111]. С таким же успехом правомерно говорить о Карий, имевшей сильнейший, флот и занимавшей морским разбоем (Hdt. II, 152) [68, с. 119].

Конечно, в эпосе частный конфликт может генерализоваться (ср. тривиальный пример песни о Роланде). Кроме того, как говорилось выше, Гомер в соответствии со своим индивидуально-авторским замыслом смело перекомпоновывал традиционный материал. И действительно, следы авторского усиления ликийской темы в связи с Сарпедоном почти определенно можно усмотреть в том, что в «Илиаде» Сарпедон выступает в качестве сына Зевса и Лаодамии, дочери Беллерофонта (см. выше), а не Европы, как у Гесиода (согласно Schol. A и B ad Il. XII, 292; Schol. Eur. Res. ad 29), Геродота (I, 173) и т. д., и соответственно двоюродного брата гомеровского Главка — другого предводителя II группы ликийцев, но не родного брата легендарного критского царя Миноса. В современной науке эта гомеровская генеалогия интерпретируется в качестве явного стремления возвысить ионийскую династию Главкидов, современную Гомеру [69, с. 136].

Однако «ликийская» тема слишком всеобъемлюще пронизывает текст «Илиады», особенно ее компоненты, опирающиеся на фольклорную традицию, чтобы быть обусловленной единственно отражением локальных конфликтов исторической Ликии с Родосом и другими отдельными историческими центрами. Эгейды и юго-западных и южных областей Анатолии вдоль побережья Средиземного моря. Предположительно на протяжении периода Трои VI (1800—1300 гг. до н. э.), вплоть до Приамовой Трои VIIa (1300—1240 гг. до н. э.) включительно, такими противоборствующими и одновременно взаимодействующими этнокультурными комплексами по всей линии прибрежной полосы Малой Азии от Троады до Киликии могли стать, с одной стороны, только ахейские греки (греч. гом. 'A/cи-Foi), называемые хеттскими клинописными источниками Аххиявой (KUR^{URU} *Ah-hi-ja-wa* — письмо о Тавагалавасе, Анналы Тудхалияса IV, последняя треть II тысячелетия), также Аххий (L^{URU} *A-ah-hi-ja* «человек страны Аххия», т. е. ахеец — дважды в тексте Маддуватаса, XV в. до н. э.) [70, с. 112; 1, т. II, с. 901] и, с другой стороны, лувийцы, занимавшие западную часть Анатолии, по крайней мере с последней четверти III тыс. Как выяснено выше, вся их страна первоначально носила название не *Luwia/Luia*, а *Lukkd*, засвидетельствованное клинописными хеттскими памятниками для области, совпадающей приблизительно с исторической Ликией (^{URU} *Lu-uk-ka-as* — в договоре Муватталиса с Алаксандусом из Вилусы [71, с. 95] и др. источники).

Что же касается лувийцев Троады (гомеровские ликийцы Зедеи и киликийцев, то они представляли собой ко времени Троянской войны небольшой племенной анклав, сохранившийся от эпохи продвижения через

знатных семейств, имеющих связи «в чужих краях», и «пришлости» (stivXisc) всего прочего «нового» населения нашли отражение какие-то социальные катаклизмы, приведшие к перегруппировке доминирующих социальных слоев. В тексте Геродота обращает на себя внимание грамматическая двусмысленность, допускающая перестановку этнонима и этникона: $\mu\upsilon\ \text{A}\mu\chi\iota\upsilon\omega\ \tau\alpha\pi\alpha\rho\epsilon\upsilon\omega\ \text{S}\alpha\upsilon\text{O}\iota\omega\upsilon$, букв. «ликийцы, считающие себя ксанфийцами», либо «ксанфийцы, считающие себя ликийцами».

Как я теперь думаю, название главной реки и города Ликии Edvto; с этником Ed/6joі, тождественное фрако-троянскому гомеровскому гидрониму EdOo-; [другое название (на языке богов) главной реки гомеровской Трои — Скамандра], омонимичное персонифицированному речному божеству, сражавшемуся на стороне троянцев против Ахилла (11. XXI, 136—384), ср. фракийский этноним EdvOios, EdvJot, топоним EdvOsta (Эгейская Фракия) [9, с. 119 и ел.], могло быть занесено в историческую Лику (Лукку) только с севера, из Троады [9, с. 167; 23, с. 109]. Более древнее название Ксанфа было *agna* (лик. А, билингва TL 45,2 и др. [72, строка 20; 57, § 97-1; 73, с. 33]; греческая передача "Apva, согласно St. B (s. v.): $\rho\epsilon\omicron/\tau$; $\text{A}\mu\chi$ -ж, оиак уар TJ Ed/vo- $i^*xksT:o$ ото "Apvoі", ср. фрак. MH "Apvuj, дублет "Apr.a [58, с. 25], лув. *Ann-ua* «Quell(ort)» [74, с. 127]. Еще определенное свидетельство относительно прихода части исторических ликийцев с севера можно извлечь из знаменитой четырехсторонней Стелы из Ксанфа [TL 44], которая была «надгробием какой-то династии и одновременно официальным памятником победы» [35, с. 358], написанном на двух диалектах — ликийском А и ликийском Б (или милийском). Причем в милийской части (TL 44 c—d), представляющей собой, по всей вероятности, поэтический торжественный текст (ср. TL 55) на ликийском диалекте с архаическими чертами, близкими лувийскому [72, с. 366 и ел.], обнаружено наречие *trujeli* (TL с 32—34, ср. *trujele* — TL с 58—60), которое вполне допускает толкование «трусый» — речь идет о самоназвании языка данной надписи, т. е. милийском, в отличие от *trfmili* «термилыйский» (TL 89), т. е. собственно ликийский, ср. хет. кл. наречие *luwili* «по-лувийски», *hattili* «по-хеттски»; через лик. MH **trus* (по асе. *trusii* — TL 44 b 15) греч. передача Труаа. [36, с. 108] допускает отождествление Тршр?<^*Трcoasc<^*ТроFo(s):<^*7Уо«Е-«троянцы». Наличие ликийцев-троянцев (в реконструкции лувийцев) в самом составе населения Трои весомо поддерживает это толкование милийского *trujeli*. Так, уже Ф. В. Кёниг писал о ликийском Б как о «гомеровском языке ликийцев» (цит. по [35, с. 366]). По всей вероятности, прав В. Л. Цымбурский, считая возможным предположить приход в ликийский (термилыйский) Ксанф непосредственно из Троады племени, говорившего на языке *trujeli* и сопоставимого с зелыйскими троянцами [24, с. 122; 9, с. 158]. Данное толкование мил. *trujeli* и его сопоставление с с.гом. Троіа впервые предложено В. В. Шеворошкиным [75, с. 304 и с. ел.; 76 с. 469 и ел.].

Чрезвычайно важное свидетельство о сохранении каких-то отдаленных воспоминаний о пребывании лувийцев в Трое, возможно, сохранились в клинописных лувийских текстах.

В недавно появившейся статье итальянского журналиста М. Конти [77] говорится о неопубликованных результатах нового прочтения клинописных хеттских табличек К. Уоткинсом⁵. Уоткинс, согласно статье,

⁵ Пользуюсь случаем поблагодарить Т. В. Гамкрелидзе, впервые сообщившего мне об исследованиях К. Уоткинса по проблеме «Лувийцы в Трое», а также Л. С. Баюн и Н. Н. Казанского, указавших на анализируемую ниже строку лувийского ритуального текста.

пришел к выводу о том, что в троянском Илионе (греч. (F)IXio? — хет. кл. *Wilusa*) говорили «на близко родственном хеттскому языке, с большим влиянием греческого» и что в «стихотворной строке ритуального гимна в в тексте из Иштануву можно прочесть: „Когда (возможно, солдаты, вернувшиеся с войны) возвратились из высокой Вилусы“». Если отвлечься от идеи функционирования в Илионе — Трое лувийского языка и совершенно невероятной мысли о бытовании «среди лувийских аэдов каких-то эпических песен задолго до Гомера (но меньшей мере за 5 веков)», то само привлечение внимания к свидетельству клинописного текста трудно переоценить и в плане этнического состава Трои — Илиона, и в плане направления лувийских миграций; предположение о солдатах излишне. Строка указанного текста в транскрипции Э. Лароша следующая: (KBo IV,II 46) *ah-ha-ta-ta a-la-ti a-ù-i-en-ta ù-i-lu-saP-ti* [30, с. 164]. Здесь Э. Ларош читает вслед за Б. Розенкранцем [78] слог *-ša-*, вопреки Г. Боссерту [79], который транскрибирует в топониме слоговой знак *-ga-* и клинописный отрезок

как *ù-i-lu-ga-ti*. Действительно, знаки *ga* к YY< " *"⁶ й* "< легко

смешивались, поскольку они отличались лишь расположением вертикальных клиньев [80, с. 7]. Приняв чтение Розенкранца — Лароша и уточнив приведенный выше перевод К. Уоткина следующим образом: «и когда (или как) из горной (точнее из горы) пришли из Вилусы» (*-U* — показатель *abl. sing.*), можно дать почти равновероятный вариант в отношении Илиона: «и когда (как) из морской (точнее: из моря) пришли из Вилусы»⁶.

В нашем распоряжении нет таких, как относительно ликийцев, достаточно узко толкуемых фактов, свидетельствующих о переселении фиванских и лирнесских киликийцев гомеровской Троида на юго-восток Малой Азии в район, сопредельный с севера исторической Киликии, где киликийцы зафиксированы ассирийскими источниками VIII—VII вв. в виде *Hilaku*, *Hiluka* и др. [ср. об «изгнании» части киликийцев Троида в Памфилию (Strab. XIII, 612)]. К тому, что уже говорилось выше, уместно добавить лишь немного. Народ *Hiluka*, с которым впервые столкнулся Салманасар V и завоевал в 723 г. до н. э., предварительно захватив в 724 г. провинцию *Que* (= вавил. *Humē*) [47, с. 71], располагался в верхнем течении Галиса, в области, называвшейся позже Катаонией (запад Каппадокии) [47, с. 73, 80; 36, с. 21, 27]. Только после крушения Ассирийской империи *Hilakku* овладели страной *Que*, т. е. территорией восточной половины исторической Киликии [47, с. 83]. До этого момента обе провинции выступали в качестве самостоятельных составных частей Ассирийской империи [36, с. 25]. В любом случае отсутствие упоминаний в хеттских источниках о *Hilakku* в этих местах и фиксация здесь этого народа лишь после эпохи великих миграций не может служить прямым указанием на судьбу гомеровских киликийцев. Исторически, если не принимать на веру свидетельство Страбона, известен только небольшой сдвиг киликийцев к югу из центральной Анатолии на рубеже VIII—VII вв. до н. э.

Результаты проделанного лингвофилологического анализа дают достаточно оснований говорить о присутствии в Троида протофракийского и — шире — балканского населения наряду с лувоязычным, начиная, по крайней мере, со второй половины Трои I (приблизительно первая чет-

По поводу значения *all-* «море?» см. [30, с. 25].

верть III тыс. до н. э. — по К. Блегену, 2900г. до н. э. — по Дж. Мелларту). Соответственно, в тексте «Илиады», восходящем в своей фольклорно-этноязыковой традиции к середине XIII в. до н. э., имеются отголоски (неявные свидетельства) исследуемой исторической ситуации в данном ареале. Это утверждение целиком вписывается в топо- и хронологические выводы археологов относительно взаимопроникающего единства материальной и духовной культуры (обряд захоронения и пр.) юго-восточной территории современной Болгарии (Эгейская Фракия) и северо-западного угла Малой Азии. В данном смысле особенно показательны масштабные раскопки М. Корфманном многослойного раннебронзового поселения Демирчи-Гюйюк, располагающегося примерно в 330 км восточнее Трои, в 20 км от берегов Мраморного и Черного морей, соотносимые в основной части слоя с Троей I, частично с Троей II и более поздними периодами [81, 82]. Таким образом, представляется, что в очерченном Балкано-Анатолийском ареале с конца IV тыс. и на протяжении III — нач. II тыс. до н. э. располагался один из важнейших очагов распространения (пра)индоевропейского языка и культуры, являющийся одновременно западной окраиной так называемой Циркумпонтийской зоны и восточной областью Средиземноморской цивилизации. Чрезвычайно высокий уровень экономического и культурного развития указанного региона и выгодное географическое положение вынудили греков-ахейцев вести бесконечные колонизационные войны начиная с XV—XIV вв. до н. э. за овладение опорными пунктами по обе стороны Мраморного моря. Но это уже сюжет другой специальной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. В с. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I—II. Тбилиси, 1984.
2. Винокур Г. О. Введение в изучение филологических наук. Вып. I: Задачи филологии // Проблемы структурной ЛИНГВИСТИКИ. 1978. М., 1981.
3. Гиндин Л. А., Мерперт Д. Я. Античная балканистика и этногенез народов Балкан (К методологии междисциплинарных исследований) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984.
4. Гиндин Л. А. Проблема славянизации карпато-балканского пространства в свете семантического анализа глаголов обитания у Прокопия Кесарийского // ВДИ. 1988. № 2.
5. Гиндин Л. А. Некоторые ареальные характеристики хеттского. I // Этимология. 1970. М., 1972.
6. Баюн Л. С., Иванов Вяч. В с. ВДИ. 1987. № 2. Rec: Investigations philologiae et comparativae. Gedenkschrift für Heinz Kronasser. Wiesbaden, 1982.
7. Blegen C. W. Troy and the Trojans. N. Y., 1963.
8. Blegen C. W. Troy // Wace A. J., Stubbings F. A. A companion to Homer. L., 1962.
9. Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981.
10. Mellaart J. The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // AJA. 1958. V. 62. № 1.
11. Mellaart J. Anatolia and the Balkans // Antiquity. 1960. V. XXXIV. № 136.
12. Mellaart J. Prehistory of Anatolia and its relations with the Balkans // L'ethnogenese des peuples balkaniques. Sofia, 1971.
13. Гиндин Л. А. Ритуально-мифологический смысл десятой песни «Одиссеи» // Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979.
14. Гиндин Л. А. Лингвофилологический анализ X песни «Одиссеи» и некоторые принципы гомеровской поэтики // Античная культура и современная наука. М., 1985.
15. Гордезиани П. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978.
16. Bethe E. Die Sage von troischen Kriege // Homer, Dichtung und Sage. III. Leipzig — Berlin, 1927.

17. Leaf W. A Study in Homeric geography. L., 1912.
18. Wiawomowitz-Mollendorff U. Apollon//Hermes. 1903. 38. № 1.
19. Nilsson M, P. Homer and Mycenae. L., 1933.
20. Malten L. Homer und die Lykischen Fürsten // Hermes. 1944, № 79.
21. Carpenter R. Folk tale, fiction and saga in the Homeric epics. Berkeley; Los Angeles, 1956.
22. Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der Griechischen Sprache. Göttingen, 1896.
23. Цымбурский В. Л. Троянская Ликия и проблема этногенеза лкийцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. и докл. конф. Ч. I. М., 1984.
24. Цымбурский В. Л. Гомеровский эпос и этногенез северо-западной Анатолии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
25. Гиндин Л. А. Комментарий к свидетельству Геродота о ликийцах-ксанфиях (Hdt. I, 176) и проблема ликийцев-троянцев «Илиады» // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры: Тез. и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1986.
26. Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967.
27. Laroche É. Etudes lexicales et etymologiques sur le hittite // BSLP. 1963. V. 58. № 1.
28. Ivanov Vyach. On the reflex of the Indo-European voiced palatal aspirate in Luwian// Symbolae linguisticae in honorem G. Kurylowicz. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1965.
29. Иванов В. В. Хеттский язык. М., 1963.
30. Laroche É. Dictionnaire de la langue louvite. P., 1959.
31. Meriggi P. Zum Luwischen//WZKM. 1957. 53. N 3—4.
32. CopB. Indogermanica minora. I. Sur les langues anatoliennes. Ljubljana, 1971.
33. Goetze A. Kleinasien. 2. Aufl. München, 1957, с 181, примеч. 6
34. Bryce T. II. The Lukka problem and a possible solution Y JNES. 1974. V. 3, № 4.
35. Neumann G. Lykisch//I Handbuch der Orientalistik. Bd. II. Lf. 2: Altkleinasiatische Sprachen. Leiden; Köln, 1969.
36. Houcink ten Cate Ph. H. The Luwian population groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic period. Leiden, 1961.
37. Gering A. Index Homericus. Lipsiae, 1891.
38. Гиндин Л. А. Гом. К-П-Т-З в конкретно-исторической интерпретации // Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983.
39. Scholia graeca in Homeri Iliadem ex codicibus aucta et emendata/ Ed. Dindorfius G. Oxoninii. T. I—II (Venetus A) — 1875; T. III—IV (Venetus B) — 1877.
40. Pape W.— Benseler G. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. I—II. Graz, 1959.
41. Тройский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973.
42. Morpurgo A. Mycaenae graecitatis lexicon. Romae, 1963.
43. Landau O. Mykenisch-Griechische Personennamen. Göteborg, 1958.
44. Иванов Вяч. Ве. Внешняя история анатолийских языков // Древние языки Малой Азии. М., 1980.
45. Gindin L. A. Thrace et Troie d'après les données linguistiques// LB. 1978. XXI. 1.
46. Белков В. и др. Извори за историята на Тракия и Траките. Т. I. София, 1981.
47. Forrer E. Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches. Leipzig, 1921.
48. Goetze A. Cilicians//JCS. 1962. XVI. № 2.
49. Laroche É. Les noms des Hittites. P., 1966.
50. Georgiev VI. I. Die ethnischen Verhältnisse im alten Nordwestkleinasien//LB. 1973. XVI. 2.
51. Цымбурский В. Л. Гомеровский эпос и этногенез северо-западной Анатолии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
52. Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek [ed. I]. Cambridge, 1959.
53. Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch. Ergänzungsheft. I. Heidelberg, 1957.
54. Laroche É. Recherches sur les noms des dieux hittites. P., 1947.
55. Laroche É. Comparaison du louvite et du lycien//BSLP. 1960. T. 55. Fasc. 1.
56. Zgusta L. Anatolische Personennamensippen. Tl I: Text. Prag, 1964.
57. Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964.
58. Detschew D. Die thrakische Sprachreste. Wien, 1957.
59. Цымбурский В. Л. Фрако-хетто-лувийские формульные соответствия // Международный симпозиум «Античная балканистика 6». Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этнолингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны: Тез. докл. М., 1988.
60. Георгиев Вл. Траките и техният език. София, 1977.

61. *Krahe H.* Lexikon altillyrischer Personennamen. Heidelberg, 1929.
62. *Parlangeli O.* Studi messapici. Milano, 1960.
63. *Laroche E.* Notes de toponymie anatolienne//MNHMHS XAPIN. Gedenkschrift P. Kretschmer. II. Wien, 1957.
64. *Zgusta L.* Kleinasiatische Ortsnamen. Heidelberg, 1984.
65. *Grimal P.* Dictionnaire de la mythologie grecque et romaine. P., 1951.
66. *Гундин Л. А.* Миф о поединке и мифология Аполлона (на материале I—III гомеровских гимнов) // Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977.
67. *Дьяконов И'. М.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.
68. *Der kleine Pauly* Lexikon der Antike in finii Banden, Bd. 3. Miinchen, 1975.
69. *Wilamowitz — Moellendorff U.* Ilias und Homer. 2. Aufl., B., 1920.
70. *Page D. L.* History and the Homeric Iliad. Berkeley; Los Angeles, 1963.
71. *Friedrich J.* Staatsvertrage des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache // MVAeG. 1930. Bd 34. № 1.
72. *Neumann G.* Neufunde lykischer Inschriften seit 1901. Wien, 1979.
73. *Tischler J.* Kleinasiatische Hydronymie. Semantische und morphologische Analyse der griechischen Gewässernamen. Wiesbaden, 1977.
74. *Rosenkranz H.* Fluß- und Gewässernamen in Anatolien // BNF. 1966. Bd. 1. Hf. 2.
75. *Шеворошук В. В.* Исследования по дешифровке карийских надписей. М., 1965.
76. *Sevoroskin U.* Zur hethitisch-luwischen Lexik// Orbis. 1968. T. XVII. № 2.
77. *Conti M.* Date retta a Omera (Le nuove scoperte su Troia // Panorama. 1985. 25.IV.
78. *Rosenkranz B.* Beitrage zur Erforschung des Luvischen. Wiesbaden, 1952.
79. *Bossert H. Th.* Asia. Istanbul, 1946.
80. *Friedrich J.* Hethitisches Keilschrift-Lesebuch. Tl. II. Heidelberg, 1960.
81. *Гундин Л. А.* Значение данных фракологии в комплексе проблем индоевропеистики//Международный симпозиум «Античная балканистика 6». М., 1988.
82. *Мерперт Н. Я.* //Советская археология. 1988. № 2. Ред.: Korfmann M. Demirci-Hiiyuk. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975—1976. Bd I: Architektur, Strati-graphie und Gefunde. Mamz-am-Rhein, 1983.